

ли стимулом для замены царя».²⁶ Как следствие этого оказывалось, что именно род невесты, а не жениха, находился в состоянии упадка и нуждался в обновлении. И каковы бы ни были индивидуальные особенности характера Алексея Степановича, в соответствии с этой логикой именно он становился носителем мотивной функции героя-победителя, поскольку ему, «зятю, разрешившему „трудную задачу“ и тем доказавшему свою силу»,²⁷ передается власть в «царстве». Царство это пространственно соотносится с локусом невесты, в «Семейной хронике» — с Уфой, и, как ни странно, передача власти в ней носит отнюдь не метафорический характер: ведь старший Зубин, занимая довольно высокое место в чиновничьем мире губернии, перед своей кончиной успевает составить протекцию зятю, Алексею Степановичу: «Я забыл сказать, что по ходатайству умиравшего старика Зубина, незадолго до его смерти, Алексея Степановича определили прокурором Нижнего земского суда» (С. 268). Так, снова в соответствии именно со сказочной логикой развития сюжета, «воцарение героя» совпадает во времени со «смертью царя», отца невесты.

Количество мотивных комплексов и архетипов, связанных с понятием «семья», очень велико, и в этой работе мы указали лишь на некоторые из них: архетипы «первопредка» и «потомка», мотивы наследования, сватовства и свадьбы. Мы рассмотрели лишь небольшую часть мотивов, объединенных семейной тематикой, некоторые из них остались вне рамок работы, например обширный мотивный комплекс материнства, который играет очень важную роль в последнем отрывке «Семейной хроники».

Мы изначально определили направление исследования, сконцентрировавшись на семейной тематике в хронике Аксакова и основывая свой анализ на категориальной базе, предложенной о. П. Флоренским. «Семейная хроника» дала обширный материал для иллюстрации того, как группы мотивов сливаются в комплексы, сориентированные по силовым линиям генеалогических координат «родства» и «свойства». Вертикальную и горизонтальную координаты генеалогической связи можно, наверное, сравнить с продольными и поперечными нитями, вдоль которых, по выражению А. Н. Веселовского, «снуются» мотивы, выстраивая основу ткани повествования.

²⁶ Там же. С. 411.

²⁷ Там же.

© Н. Н. Подосокоорский

НАПОЛЕОНОВСКИЙ МИФ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»: БИОГРАФИЯ ГЕНЕРАЛА ИВОЛГИНА

Достоевский видел в Наполеоне колоссальную загадку XIX века, которую не смог разгадать ни один из его великих предшественников в литературе: ни Гете, ни Гюго, ни Бальзак, ни Лермонтов, ни Гоголь, ни первый из его учителей — Пушкин. Хотя уже в 30-е годы XIX века мир Европы и России был пресыщен наполеоновским мифом, интерес к Наполеону каким-то непостижимым образом не угасал, но лишь усиливался. В самом начале 1840 года, 1 января, совсем молодой, восемнадцатилетний, и тогда еще никому не известный Федор Достоевский написал брату Михаилу письмо, в котором патетически говорил о Христе, Гомере, Шекспире,

Корнеле, Расине, Гете, Шиллере, Гофмане, Байроне, Пушкине, Гюго... И там же, задаваясь вопросом о том, «что-то принесет»¹ новый наступающий год, Достоевский неожиданно вспомнил о Наполеоне: в связи с сатирой О. Барбье «Идол».

Это было первое известное нам упоминание Наполеона Достоевским. Наступивший год «принес» прах Наполеона в Париж, и это стало «последним новосельем» героя, по меткому выражению М. Ю. Лермонтова. В год, когда произошло первое подобное «новоселье», когда Наполеон умер на острове Святой Елены, в Москве родился Достоевский. В год, когда Достоевский впервые упомянул Наполеона в письме, император вернулся в Европу. Вхождение Достоевского в литературу было по-наполеоновски стремительным, роман «Бедные люди», роман «Туллоном» на писателеском поприще. И уже в ранних его произведениях («Господин Прохарчин», «Двойник», «Белые ночи», «Честный вор») открылась наполеоновская тема в его творчестве, с тем чтобы никогда больше не закрываться («Дядюшкин сон», «Записки из Мертвого дома», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»).

Несмотря на то что Достоевский так и не смог разгадать загадку Наполеона или не захотел поставить для себя точку в оценке его личности, как это поспешил сделать Л. Н. Толстой в «Войне и мире», в каждом своем произведении, затрагивающем наполеоновский миф, писатель старался показать его разрушительное влияние на людей. Кто был виноват в этом больше: великий соблазнитель земной славы и властью Наполеон или соблазнившиеся этими дарами судьбы его почитатели? На этот вопрос Достоевский ответил, прежде всего, своими произведениями, в которых герои пытаются мыслить и жить с оглядкой на Наполеона и его миф.

Из этих героев-наполеонистов наибольшее внимание у достоевсковедов всегда вызывал герой «Преступления и наказания» (Д. С. Мережковский, М. М. Бахтин, В. Я. Кирпотин, Г. М. Фридлиндер, Ю. Ф. Карякин, И. Л. Волгин, Б. Н. Тихомиров и др.). Так, по замечанию К. В. Мочульского: «Только в судьбе Раскольникова имя Наполеона, „нарушителя порядка вещей“, раскроется во всей своей идейной полноте».² Протоиерей Г. В. Флоровский в числе прочих тоже писал о «тайне Наполеона» у Достоевского как, прежде всего, о «тайне Раскольникова»: «Достоевский видит и изображает этот мистический распад самодовлеющего дерзновения, вырождающегося в дерзость и даже в мистическое озорство. Показывается, как пустая свобода ввергает в рабство, — страстям или идеям. И кто покушается на чужую свободу, тот и сам погибает. В этом тайна Раскольникова, „тайна Наполеона“...»³

О романе «Идиот», в котором имя Наполеона упоминается значительно чаще, чем в любом другом произведении Достоевского, и в котором есть целостный вставной рассказ героя о Наполеоне в качестве действующего лица, по этому вопросу было написано совсем немного.⁴ Однако с образом Наполеона, так или иначе, свя-

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. I. С. 67. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

² Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесл. В. М. Толмачева. М., 1995. С. 251.

³ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. 4-е изд. С предисловием прот. И. Мейендорфа. Paris, 1988. С. 296—297.

⁴ См.: Назиров Р. Г. О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 209—212; Соркина Д. Л. Жанровая структура романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1976. Вып. 3. С. 65—66; Михнюкевич В. А. Русский фольклор в художественной системе Достоевского // Филол. науки. 1987. № 6; Альми И. Л. К интерпретации одного из эпизодов романа «Идиот» (рассказ генерала Иволгина о Наполеоне) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1992. Т. 10. С. 163—172; Волгин И. Л., Наринский М. М. «Развенчанная тень». Диалог о Достоевском, Наполеоне и наполеоновском мифе // Метаморфозы Европы. М., 1993. С. 127—164; Храмова Л. В., Михнюкевич В. А. Наполеон // Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / Сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев. Челябинск, 1997. С. 100—102.

заны такие персонажи «Идиота», как Лебедев, генерал Иволгин, Ганя, Ипполит и, конечно, главный герой — князь Мышкин.⁵ Эта сложнейшая многоплановая связь позволяет говорить о весьма существенной роли наполеоновского мифа в романе, никак не менее важной, чем в «Преступлении и наказании». Стоит отметить и то, что «Идиот» создавался за границей во время существования Второй империи во Франции, накануне столетия со дня рождения Наполеона Бонапарта, имя которого тогда почти что «витало в воздухе».

Наиболее очевидна из всех героев романа «Идиот» связь с наполеоновским мифом генерала Иволгина. Уже то обстоятельство, что Ардалион Александрович Иволгин имеет генеральский чин, само по себе говорит о том, что герой достиг «предела русского счастья» и «популярного национального идеала спокойного, прекрасного блаженства» (8, 269—270). Однако после какой-то неизвестной нам внутренней катастрофы он предался порокам пьянства и лжи и целиком подчинился овладевшему им беспорядку так, что «совершенный безобразник сделался» (8, 26), хотя «прежде он был только слишком восторженный человек» (8, 104). Опустившийся генерал испытывает потребность в художественном творчестве, стремится через сочинительство осмыслить собственную судьбу, которую очень тесно связывает с судьбой Наполеона. Несомненно, что в своем вымышленном рассказе о придворной службе десятилетним ребенком у Наполеона в 1812 году он выражает свойственное его поколению общее преклонение перед Наполеоном в юности: «Потому что тогда все, несколько лет сряду, только и кричали о нем. Мир был наполнен этим именем; я, так сказать, с молоком воссал» (8, 413). Повышенное внимание генерала к фигуре Наполеона, «военные удачи» которого придавали ему, по выражению С. П. Жихарева, и особое «нравственное очарование»,⁶ очевидно, проходит через всю жизнь Иволгина. К этому «великану в несчастье» он чувствовал «давно уже, горячую симпатию» (8, 413).

Важно обратить внимание и на созвучность имен: Ардалиона и Наполеона, что должно было иметь немалое значение для генерала, который был, по его собственным словам, сам «несколько поэт в душе» (8, 109). Возможно, что подобная авторская характеристика Иволгина восходит к оценке, данной участником войны 1812 года поэтом-партизаном Д. В. Давыдовым Наполеону при разборе записок последнего, созданных на Святой Елене: «...но Поэт в душе, поработенный сам увлекательным воображением своим, он мало-по-малу уверил себя в истине всех ложных сказаний, им же самим вымышленных и для заблуждения других обнародованных».⁷ Имя Ардалион в переводе с латинского означает «суетливый». Единственный христианский святой, носящий это имя, в честь которого, видимо, был наречен генерал Иволгин, до того как принял мученичество при римском императоре Максимилиане Галерии, был мимическим актером и на «народных зрелищах и в других местах представлял страдания и различные действия людей».⁸ Суетливость и актерское мастерство, несомненно, проявились в характере генерала и его наполеонизме. Ганя Иволгин даже обвинял отца в том, что тот способен подобно актеру превратить обычную бытовую сцену в настоящую драму: «Да полноте, трагедию завел! — крикнул Ганя» (8, 396); «И непременно на театральный тон! — пробормотал Ганя» (8, 400). Повествователь «Идиота» определил скандал, который затеял генерал Иволгин перед своим уходом из дома Птицына, как «суматоху» (8, 400, 401), отметив в его поведении трагикомические актерские черты: «И прежде бывали с ним случаи внезапной блажи в этом же роде, хотя и довольно редко, потому

⁵ См.: Подосокорский Н. Н. Наполеонизм князя Мышкина // Литературоведческий журнал / Секция языка и литературы РАН. ИНИОН РАН. 2007. № 21. С. 113—125.

⁶ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 344.

⁷ Давыдов Д. В. Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона. М., 1825. С. 4.

⁸ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четых-минеи св. Димитрия Ростовского. М., 1992. Кн. 8. С. 219.

что, вообще говоря, это был человек очень смирный и с наклонностями почти добрыми. Он сто раз, может быть, вступал в борьбу с овладевшим им в последние годы беспорядком. Он вдруг вспоминал, что он „отец семейства”, мирился с женой, плакал искренно. Он до обожания уважал Нину Александровну за то, что она так много и молча прощала ему и любила его даже в его шутовском и унижительном виде. Но великодушная борьба с беспорядком обыкновенно продолжалась недолго; генерал был тоже человек слишком „порывчатый”, хотя и в своем роде; он обыкновенно не выносил покаянного и праздного житья в своем семействе и кончал бунтом; впадал в азарт, в котором сам, может быть, в те же самые минуты и упрекал себя, но выдержать не мог: ссорился, начинал говорить пышно и красноречиво, требовал безмерного и невозможного к себе почтения и в конце концов исчезал из дому, иногда даже на долгое время» (8, 400—401).

Отчество героя — Александрович (от Александр — греч. «защитник людей») указывает и на его связь с защитой Отечества, которому он служил будучи военным по профессии. В роли защитника России генерал себя мыслил и в своем рассказе о Наполеоне, где он выведен в качестве ребенка, «в заблиставших патриотизмом глазах» которого можно прочесть «мнение всего русского народа» (8, 415).

На подлинное отношение отставного генерала к Наполеону способна пролить свет биография Иволгина, которую можно восстановить лишь фрагментарно, основываясь на проскальзывающих мимоходом фактах его жизни в диалогах персонажей романа. Важнейшим источником для такой реконструкции являются также признания и припоминания самого героя, который в разговоре «поминутно вставлял биографические и топографические подробности, исполненные математической точности» (8, 109), хотя ко многим из них и следует относиться весьма критично. Родился Ардалион Иволгин в самый год войны с армией «двунадесяти языков». Об этом свидетельствует его возраст, сообщенный автором в первой части романа (т. е. применительно к 1867 году): «Новый господин был высокого роста, лет пятидесяти пяти или даже поболее...» (8, 80). Хотя возраст указан повествователем и не совсем определенно, тем не менее первая его составляющая — «лет пятидесяти пяти» — говорит о том, что герой родился именно в 1812 году. Князь Мышкин в связи с этим даже намекнет на сходство рассказа генерала Иволгина о Наполеоне с воспоминаниями А. И. Герцена в первом томе «Былого и дум», поскольку и последний родился в тот же памятный год: «...конечно, вы можете сообщить... так же как и все бывшие. Один из наших автобиографов начинает свою книгу именно тем, что в двенадцатом году его, грудного ребенка, в Москве, кормили хлебом французские солдаты» (8, 412). Герцен писал в начале первого тома «Былого и дум» о впечатлениях, вынесенных из своего детства: «Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были моей колыбельной песнью, детскими сказками, моей „Илиадой” и „Одиссеей”. Моя мать и наша прислуга, мой отец и Вера Артамоновна беспрестанно возвращались к грозному времени, поразившему их так недавно, так близко и так круто».⁹ Очевидно, что подобные настроения были отчасти свойственны и ровеснику Герцена Ардалиону Иволгину, «с молоком всосавшему» рассказы о Наполеоне.

Первоначальное образование герой получил в одном из кадетских корпусов, где, по его словам, «нашел одну муштровку, грубость товарищей» (8, 417). Надо полагать, что по окончании одного учебного заведения юный почитатель Наполеона был переведен офицером в один из кавалерийских полков русской армии. Как заявил герой князю Мышкину: «...надейся на Иволгина как на стену, вот так говорили еще в эскадроне, с которого начал я службу» (8, 110). Однако карьера его сложилась совсем не по-наполеоновски: довольно продолжительное время он пребывал в обер-офицерских чинах, начиная с самого младшего — чина прапорщика, о

⁹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 22.

чем нам известно от Лебедева, сообщившего князю следующие подробности о генерале: «Это бы ничего-с, маленькая слабость, но сейчас уверял, что всю его жизнь, с самого прапорщичьего чина и до самого одиннадцатого июня прошлого года, у него каждый день меньше двухсот персон за стол не садилось» (8, 198).

Свидетельство последнего заставляет думать, что Иволгин начал службу в эскадроне драгун, поскольку в армейской кавалерии он имел бы не «прапорщичий чин», а чин корнета, и позднее чин штабс-ротмистра, а не штабс-капитана. Драгуны были наиболее массовым видом кавалерии российской армии в период Отечественной войны.¹⁰ За отличия в войне 1812—1814 годов четыре драгунских полка были награждены георгиевскими штандартами, один полк — георгиевскими трубами, два полка — знаками на каски «За отличие».¹¹ Рассказы о подвигах этого рода тяжелой кавалерии воинская традиция чтит долго, передавая их из поколения в поколение. М. Ю. Лермонтов, сам прослуживший некоторое время прапорщиком, облаченным в темно-зеленый мундир драгуна, в знаменитом Нижегородском полку на Кавказе, в стихотворении «Бородино» специально упомянул «драгун с конскими хвостами».¹² К этому лермонтовскому шедевру, правда говоря о Петровской эпохе, в романе «Идиот» скрыто обратился другой «кандидат в Наполеоны» — князь Мышкин — в словах: «тогдашние люди... совсем точно и не те люди были, как мы теперь, не то племя было, какое теперь, в наш век...» (8, 433; 9, 456). Ардалион Иволгин, наделенный красноречием и возбуждавший восторг своими каламбурами в офицерском обществе 40-х годов (8, 418), должно быть, узнал в молодости немало занимательных рассказов о войнах с Наполеоном от своих более старших сослуживцев, участников наполеоновских войн.

Неизвестно как произошло производство Ардалиона Иволгина в последующие чины, но можно утвердительно сказать, что он имел всего лишь чин штабс-капитана, когда Аглае Епанчиной было шесть лет: «Помню, всё помню! — вскричал он. — Я был тогда штабс-капитаном» (8, 203). Поскольку в первой части романа автор четко определил возраст Аглаи — ей «только что исполнилось двадцать» (8, 16), то путем несложных вычислений получается, что драгунским штабс-капитаном Иволгин был в самом начале Крымской войны 1853—1856 годов и тогда ему было уже не менее сорока одного года. Чин штабс-капитана русской армии, согласно существовавшему тогда порядку, относился к десятому классу табели о рангах и от самого младшего генеральского чина (генерал-майор) его отделяло шесть классов. Логично предположить, что взлет карьеры Иволгина пришелся как раз на период Крымской войны, когда ему удалось проявить свое служебное рвение, храбрость и выдающиеся способности командира. Вероятно, что именно к тому времени относятся воспоминания генерала о себе как о человеке, «заслуженном у государя своего», который «знаки имеет, знаки отличия...» (8, 394).

Поэтому герой так часто и обращается к теме этой войны, о которой в романе также будет вспоминать его ровесник (тоже «человек лет пятидесяти пяти» — 8, 33) «скептик и светский циник» (8, 38) Тоцкий. Но если первый «сын двенадцатого года» проливал на фронте свою кровь, то последний косвенно способствовал гибели в этой войне своего обманутого приятеля Пети Ворховского (8, 129).

Генерал Иволгин чаще всего вспоминает о событиях, происходивших на кавказском фронте Крымской войны, а именно об осаде Карса, что заставляет полагать, что он действительно отличился при осаде и взятии этой крепости русскими войсками под командованием генерала от инфантерии Н. Н. Муравьева. Драгун-

¹⁰ В начале 1812 года в российской армии было 6 гвардейских, 8 кирасирских, 36 драгунских, 11 гусарских и 5 уланских полков (*Подмазо А. А., Турусов В. П.* Драгуны // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 257).

¹¹ Там же.

¹² *Лермонтов М. Ю.* Бородино // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1979. Т. 1. С. 371.

ские полки очень активно участвовали в военных действиях на Кавказе как до, так и во время Крымской войны. В 1855 году в боевых действиях под Карсом принимали участие и отличились три драгунских полка: Нижегородский, Новороссийский и Тверской. Очевидно, Ардалион Иволгин являлся офицером одного из них. Ко времени появления князя Мышкина в «недрах семейства» Иволгиных воспоминания генерала о своих подвигах под Карсом уже давно приобрели вид сильно приукрашенной, почти анекдотической истории, которую герой, «старый несчастный солдат и отец семейства» (8, 91), рассказывал с большой охотой всякому собеседнику (8, 92, 104, 156, 313).

Для «заслуженного старого воина» (8, 107), ветерана Крымской войны, сознававшего какие силы были на нее затрачены и каковы были ее конечные результаты, закрепленные «позорным» Парижским миром 1856 года (по которому Турции возвращалась и крепость Карс, при взятии которой отличился он сам и где, вероятно, даже получил пулевое ранение (8, 92)), вполне логичным было обращение к хранившемуся в памяти близкому историческому примеру военной славы России — победе над Великой армией Наполеона. Сравнение двух этих войн было начиная с середины 50-х годов, довольно распространенным явлением. Уже спустя два месяца после победного Синопского сражения и незадолго до начала Крымской войны российский император Николай I написал в ответном письме французскому императору Наполеону III: «Я имею веру в Бога и в мое право, и я ручаюсь, что Россия в 1854 году та же, какой была в 1812».¹³ Как комментирует эти строки историк Е. В. Тарле: «Именно эти слова в устах царя и требовались Наполеону III, который всячески разжигал шовинистические чувства во Франции, проводя мысль, что необходимо получить от России реванш за 1812 год».¹⁴

Мнение Николая I разделялось многими в российском обществе: «А ты, Луи-Наполеон, тебе пример — покойный дядя! Поберегись и будь умен, на тот пример великий глядя!» — писала графиня Ростопчина. Князь П. А. Вяземский, лично участвовавший в Бородинском бою, тоже предостерегал «племянника» напоминанием о его дяде, о том герое, «кем полна была земля, кто взлетел на пирамиды, кто низвергнут был с Кремля, не стерпевшего обиды!».¹⁵ Ф. И. Тютчев в ноябре 1853 года писал о Крымской войне как о возвращении духа 1812 года: «В сущности, ведь это для России возобновление 1812 года, и нападение на нее направленное, будет, может быть, также грозно, даром, что оно не воплощается в одном человеке, и таком великом человеке, каков был первый Наполеон».¹⁶

Ф. М. Достоевский также отдал дань общим настроениям: в стихотворении «На первое июля 1855 года» он писал: «Когда настала вновь для русского народа / Эпоха славных жертв двенадцатого года / И матери, отдав царю своих сынов...» (2, 407). В послевоенной повести писателя «Дядюшкин сон» пародийное превознесение таких наполеонистов, как Марья Александровна и князь К., происходит на фоне идущей Крымской войны: об этом говорят слова о намерении «составить театр, — для патриотического пожертвования... в пользу раненых...» (2, 313). Как пишет Е. Г. Матюшенко: «Тень Наполеона I часто встречается в русской карикатуре на французскую армию и Наполеона III (так же, как и впоследствии на советском антигитлеровском плакате времен Великой Отечественной войны)».¹⁷ Вместе с тем «поражение России в Крымской войне обострило противопоставление двух

¹³ Тарле Е. В. Крымская война: В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 440.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 121—122.

¹⁶ Цит. по: Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 230.

¹⁷ Матюшенко Е. Г. Наполеоновский миф в России // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996—1998. М., 2003. С. 187.

войн, добавив оппозицию: „слава—позор”¹⁸. За потоком речей о сходстве двух войн, характерных для начального этапа войны и значительно подогреваемых пропагандистскими средствами правительства Николая I, последовали обличительные речи представителей либерально-демократического лагеря, основывавшиеся на противопоставлении победоносной «народной» войны войне, вызванной имперскими амбициями всех стран-участниц (А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. А. Добролюбов).

Вернувшийся с неудачной войны Ардалион Иволгин попал в самую гущу политических и экономических изменений, охвативших Россию при новом императоре Александре II. Некоторое время Иволгин поддерживал знакомства со старыми военными друзьями, которые в новых условиях занимались наращиванием своих капиталов, как это делал генерал Иван Федорович Епанчин. Но уже в скором времени отставной генерал Иволгин, должно быть, окончательно осознал, что он сам не способен, подобно Епанчину, включиться в ритм жизни пореформенной России, добывая большие деньги, участвуя в приобретении фабрик, в «солидных акционерных компаниях» и различных финансовых сделках. За несколько лет до непосредственно описываемых в романе «Идиот» событий, т. е. где-то в середине 60-х годов, Иволгин уже окончательно сбился с жизненного пути. Как сообщает о нем автор в девятой главе первой части: «Ему случалось бывать прежде и в очень хорошем обществе, из которого он был исключен окончательно всего только года два-три назад. С этого же срока и предался он слишком уже без удержу некоторым своим слабостям; но ловкая и приятная манера оставались в нем и доселе» (8, 91).

Несмотря на произошедшее с ним карьерное и нравственное падение, в пламенной душе русского патриота, ветерана Крымской войны, не выдержавшего изменений неких «обстоятельств» (8, 104), превративших его фигуру во что-то «опустившееся, износившееся, даже запачканное» (8, 80), все же сохранилось много светлых мыслей о замечательных событиях и героях прошлого. Об этом, прежде всего, свидетельствует его рассказ о Наполеоне, в котором пафос воспевания славных времен 1812 года и облика грозного, но столь близкого и понятного ему самому воителя вытесняет в душе героя позорное национальное унижение 1856 года перед Наполеоном III, племянником «великого человека».

Описание в рассказе первой встречи Ардалиона с Наполеоном и описание их расставания объединены символическим присутствием в обеих сценах образа лошади, который является особенно значимым в сочинении кавалерийского офицера Иволгина, прошедшего долгие годы своей военной службы верхом на коне, а потому чутко и внимательно относившегося к лошадям. Выучка бывшего драгуна верховой езде, несомненно, отразилась и в словах, включенных им в рассказ о Наполеоне: «Служба не спрашивалась... (...) Я ездил верхом порядочно» (8, 415). Скорее всего, именно от своего отца и Ганя Иволгин унаследовал поговорку: «Вы не в конюшню, кажется, вошли, господа...» (8, 96). Не удивительно, что любивший лошадей впечатлительный генерал сочинил и затем рассказывал окружающим историю о том, как однажды «у него серая пристяжная заговорила» (8, 104). Позднее герой даже уверит себя в том, что и в его роковой ссоре с генералом Епанчиным также подспудно присутствовал лошадиный мотив: несчастная болонка, безжалостно выброшенная из окна поезда, в воображении Иволгина являлась фавориткой никого другого, как шестерых княжон *Белоконских*.

Маленький герой рассказа о 1812 году впервые видит прославленного полководца, «о котором так много накричали ему» (8, 413), в минуту, когда Наполеон «слезал с лошади» (8, 412). При расставании камер-пажа с императором тот уже «садился на коня» (8, 417). В промежутке между двумя этими положениями и происходит их общение, столь повлиявшее, по убеждению генерала, на общий ход во-

¹⁸ Там же.

енной кампании. Спешенный Наполеон в рассказе генерала — это нарочито сниженный образ военного вождя-триумфатора, «всадника, Папою венчанного»,¹⁹ «всадника, пред кем склонились цари». ²⁰ Наполеон сходит с лошади на землю еще и для того, чтобы сблизиться и сравняться с Иволгиным, который рассказывает об этом, будучи сам уже долгое время «не на коне».

В самом рассказе генерала Иволгина о 1812 году запечатлелись не только следы его прежней военной службы, но и настоящее его состояние души, оскорбленной непониманием родных и друзей. Еще Д. Мартинсен заметила, что «Иволгин врет, чтобы вытеснить чувство вины и/или стыда, связанное с его собственной биографией». ²¹ Говоря об искреннем стремлении императора Наполеона помириться с императором Александром, генерал Иволгин, надо полагать, завуалированно имеет в виду и свои собственные неудачи в примирении с Лебедевым: «...я уже и понимал, что причина его (Наполеона. — Н. П.) страданий — молчание императора Александра. (...) „Попросите, попросите прощения у императора Александра!“ — закричал я ему. То есть мне надо бы было выразиться: „Помиритесь с императором Александром“, но как ребенок, я наивно высказал всю мою мысль» (8, 414).

К концу рассказа генерала «сращение» образа юного камер-пажа с образом императора Наполеона достигает своей высшей точки: Ардалион Иволгин, убежденный в прочном соединении своей судьбы с судьбой Наполеона, мысленно готовился принять наполеоновскую участь — разделить «знойный остров заточенья» и весьма сожалел, что не смог этого сделать: «но увы! судьбы наши разделились!» (8, 417). Показателен и прощальный совет Наполеона, который он черкнул в альбом для трехлетней сестры своего десятилетнего камер-пажа:

«Ne mentez jamais!

*Napoléon, votre ami sincère.*²²

Понятно, что и эти «наполеоновские слова» были обращены рассказчиком к самому себе.

Разговор Иволгина с Мышкиным о Наполеоне, который, по убеждению генерала, должен был стать «часом окончательной судьбы» его (8, 404), действительно имел самые серьезные для него последствия. Душа Иволгина после беседы с князем окончательно вжилась в любимый ею образ. Покидая дом Птицына, генерал по-прежнему бредил наполеоновской темой, три раза повторяя Коле одни и те же слова: «le roi de Rome», являющиеся одними из последних его слов перед «ударом»:

«— Le roi de Rome... — прошептал генерал, тоже как будто весь дрожа.

— Чего?.. Да какой вам дался le roi de Rome?.. Что?

— Я... я... — зашептал опять генерал, всё крепче и крепче цепляясь за плечо „своего мальчика“, — я... хочу... я тебе... всё, Марья, Марья... Петровна Су-су-су...

Коля вырвался, схватил сам генерала за плечи и как помешанный смотрел на него. Старик побагровел, губы его посинели, мелкие судороги пробежали еще по лицу. Вдруг он склонился и начал тихо падать на руку Коли» (8, 419—420).

¹⁹ Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 5. С. 181.

²⁰ Пушкин А. С. «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» // Там же. Т. 2. С. 159.

²¹ См.: Меерсон О. Христос или «Князь-Христос»? Свидетельство генерала Иволгина // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. Сборник работ отечественных и зарубежных ученых под редакцией Т. А. Касаткиной. М., 2001. С. 42.

²² «Никогда не лгите! Наполеон, ваш искренний друг» (фр.).

Возможно, что генерал и перед смертью, которая наступила от второго удара через восемь дней после первого, хотел подчеркнуть родство своей души с душой пушкинского Наполеона, этого «изгнанника вселенной», заточенного на острове,

Где иногда в своей пустыне,
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один о милом сыне
В унынье горьком думал он.²³

К тому же предсмертные слова генерала Иволгина можно соотнести и с последними словами Наполеона в передаче его верного слуги Л.-Ж. Маршана, бывшего с ним на Святой Елене: «У императора начался бред. Император произносил много невнятных слов, из которых можно было разобрать „Франция... мой сын... армия...” Можно с большой уверенностью прийти к выводу, что его последние мысли касались Франции, его сына и армии. Это были последние слова, которые нам предстояло услышать».²⁴

Нравственное падение и последующая гибель генерала Иволгина у Достоевского — это гибель героя-наполеониста, одного из тех, которых Наполеон «ужасно увлек» (6, 378). Но в этой гибели наполеонизм — это не столько причина, сколько цель, сознательный выбор героя, воображающего себя не тем, кто он есть на самом деле. И в этом смысле судьба генерала Иволгина более трагична, чем судьба Раскольников, который находит Сою и обретает возможность преодолеть собственный наполеонизм, чтобы духовно переродиться и начать новую жизнь.

²³ Пушкин А. С. Наполеон // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 60.

²⁴ Маршан Л.-Ж. Наполеон. Годы изгнания: Мемуары / Пер. с фр. и англ. М., 2003. С. 703.

© Т. Б. Ильинская

МЕМУАРНЫЙ ФАКТ «В МИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ»¹

(НЕИЗВЕСТНЫЙ ОЧЕРК Н. С. ЛЕСКОВА «СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ ПРИ СМЕРТИ ДУДЫШКИНА»)

В малопопулярной, непритязательной газете «День»² нам удалось обнаружить неизвестное сочинение Н. С. Лескова, посвященное последней встрече писателя с С. С. Дудышкиным, — встрече, о которой в одном из недавних исследований на эту тему сказано: «Вероятно, желая продолжить начатый в письме разговор, Лесков отправился 15 сентября к Дудышкину на дачу в Павловск. Подробности этой встречи неизвестны. 16 сентября Дудышкин внезапно умер от сердечного приступа».³ «Странный случай при смерти Дудышкина» (таково название не учтенного в лесковедении мемуарного очерка) не зафиксирован ни в библиографии П. В. Быкова⁴ (лесковские труды в газете «День» оказались явно вне поля зрения Быкова, по-

¹ Обозначив таким образом тему статьи, мы следуем за Лесковым, способным в мистическом освещении увидеть даже минералогический (точнее, геммологический) факт. Ср.: «Александрит. Натуральный факт в мистическом освещении» (1885).

² Газета выходила в 1888—1895 годах; до 1888 года носила название «Еженедельное обозрение».

³ Садовская А. М. Преамбула к статье «Русский драматический театр в Петербурге» // Лесков Н. С. Полн. собр. соч. М., 1998. Т. 5. С. 735—736.

⁴ Быков П. В. Библиография сочинений Н. С. Лескова // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 10 т. СПб., 1890. Т. 1. С. I—XXV.